

истории были «мужски-ориентированы», и в большинстве случаев руководились мужчинами, а женщины рассматривались как «пассивные объекты», которые нуждаются в освобождении. Таким образом, у китайских женщин отсутствует чувство собственной репрезентации, а присутствует осознание себя в качестве «жертв».

«Теоретическая колонизация» была одной из основных тем на конференции 2002 г., посвященной вопросам развития гендерных исследований в Китае, а после этого стала широко дискутироваться в научных кругах. По мнению критиков, когда некоторые китайские исследователи возвращаются из-за рубежа, они начинают игнорировать различия в положении женщин в Китае и на Западе. Это заставляет китайских ученых беспокоиться о будущем китайской женской истории.

Ли Сяоцзян отмечает: «Самая большая беда в том, что наша история в настоящее время интерпретируется иностранцами так, как им это заблагорассудится. Если наша история определяется другими людьми в их рамках, то вся история нашей страны и народа вызывает сомнение. Конечно, они не меняют порядок правления династий в нашей истории. То, что они делают, так это «забирают дрова из-под котелка» – т.е. учат наших мужчин и женщин и переписывают содержание нашей истории. Когда голос других становится стандартным языком и мы без сомнения используем его для изучения собственной истории, мы легко можем стать «аутсайдерами» на собственной земле [3].

Несмотря на большое количество проводимых исследований, в качестве новой области социальной истории женская история в Китае все еще находится в зачаточном состоянии. Есть, по крайней мере, два момента, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Во-первых, текущие работы по женской истории, особенно касающиеся периодов, предшествующих настоящему, в первую очередь сосредоточены на семейной жизни, браке, деторождении и сексуальных отношениях. Несомненно, это важные со-

ставляющие жизни женщин, однако изучение их социальной роли не должно ограничиваться только интимными моментами. Должна изучаться роль женщины в обществе в целом. А во-вторых, некоторые исследователи в своих работах по-прежнему используют «китаецентричный» подход и игнорируют этнические различия среди населения Китая. Как и другие социальные группы, женщины в Китае не являются «монолитом». При изучении китайских женщин в истории следует понимать и рассматривать их в этническом разнообразии. Женские индивидуальности и поведение могут быть весьма различными в зависимости от этнической принадлежности и социального статуса. Так, практика бинтования ног использовалась в основном только в ханьском этносе, в то время, как монголы, тибетцы, хмонги не прибегали к данному обряду. Ханьские женщины отличались от женщин национальных меньшинств и во многих других отношениях, в том числе по положению в семье, роли в общественном производстве, браке, в отношениях между полами и т.д. Таким образом, развитие женского исследования в Китае должно быть основано на глубоком понимании китайской истории и культуры, первоисточников, а также правильном и умеренном восприятии новых теорий и методологий.

1. Susan Mann. Precious Records: Women in China's Long Eighteenth Century. –

Stanford University Press, 1997.

2. Wang Zheng. Research on Women in modern China / ed. Susan Mann, and Lisa Rofel. – University of California Press, 1998.

3. Shuo Wang. The «New Social History» in China: The Development of Women's History // The history teacher. – 2007. – Vol. 39, № 3. – URL: <http://www.historycooperative.org/journals/ht/39.3/wang.html>.

4. Women in Modern China: From Iron Maiden to Super Model // China and the Future of the World. – University of Chicago International House, 2006.

5. Чжунго фунюи яньцзю ши нянь (1995 – 2005) : хуйин «Бэйцзин синдун ганлин». Бэйцзин. Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2005. (Обзор исследования положения китайских женщин за 10 лет, 1995 – 2005). – Пекин: Изд-во «Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ», 2005.

И.Е. Чернышев

ЗНАЧЕНИЕ АДЕКВАТНОГО ПОНИМАНИЯ ОТДЕЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОВОДА ИЛИ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА ПРИ РАБОТЕ ЖУРНАЛИСТА В КИТАЙСКОЙ СРЕДЕ

This article is devoted to the challenges that are met by Russian journalist while working in the Chinese surrounding. It touches the main organizational, ideological, administrative and behavior principals of the Chinese society structure.

Говоря о современном состоянии регионального телевидения, акад. В.В. Егоров утверждает: «Регионализация вещания – одна из главных тенденций развития современного телевидения, суть которой состоит во всемерном росте и укреплении государственных, муниципальных, частных, коммерческих и кабельных телестудий на местах. От централизации к региональному вещанию – общий путь развития телевидения во многих странах. Местное, или региональное, телевидение может более точно учитывать особенности региона, национальный образовательный, возрастной состав аудитории, привлекать к передачам людей, использовать факты и явления, которые житель района, города порой знает лично. Все это делает местное телевидение более доступным, понятным, полезным конкретной аудитории, чем центральные программы. Регионализация телевидения неразрывно связана с

распространением национальной культуры, самобытности народного творчества и народных традиций населения конкретного района» [2, с. 56].

Согласимся со столь авторитетным мнением. Однако геополитическая реальность существования в Дальневосточном приграничном регионе вынуждает нас дополнить цитату следующим образом: «регионализация телевидения неразрывно связана с распространением национальной культуры, самобытности народного творчества и народных традиций населения конкретного района», а также с ознакомлением жителей российского приграничья с национальной культурой, самобытностью народного творчества и народных традиций населения сопредельного государства КНР.

Исследователи телевидения Э. Багиров и И. Кацев еще в 1968 г. заметили, что «как бы подробно и всесторонне ни отражала центральная программа жизнь страны, она никогда не может охватить всего, да и не должна, ибо многое представляет интерес лишь для части аудитории. Поэтому местные программы служат как бы дополнением центральной, раздвигая панораму жизни за счет более подробного отражения событий и проблем данной местности». [1, с. 44-45]. Это мнение с особенной очевидностью подтверждается в информационной и публицистической деятельности журналистов российского дальневосточного приграничья вообще, журналистов Приамурья в особенности. Действительно, пограничное и таможенное законодательства РФ и КНР, общественно-политическая ситуация в Китае для жителя центральной России – вещи весьма абстрактные. Для жителей же Приамурья, на выходные и праздничные дни во множестве выезжающих в

сопредельный город Хэйхэ, они имеют форму вполне конкретных вопросов. Какое количество багажа разрешено завозить из Китая в Россию? Какие продукты находятся в списке запрещенных к ввозу? В каком временном режиме работает китайская таможня? По какому телефону в Хэйхэ нужно звонить, чтобы вызвать полицию в случае нападения китайских хулиганов? Вопросов множество. И каждый для журналиста несет в себе информационный повод или предмет творческого исследования.

К 2007 г. автор этой статьи накопил многолетний опыт работы в организационной журналистике в КНР. С того же 2007 г. он стал преподавать на кафедре журналистики Амурского государственного университета. В процессе преподавания выяснилось отсутствие у большинства студентов адекватного восприятия китайской темы. Поэтому полагаем, что будет нелишним специализированное ознакомление будущих журналистов с истоками социально-психологических, общественно-организационных и поведенческих особенностей китайцев. Существенным также, на наш взгляд, является и ознакомление студентов с практикой работы китайского телевидения, его организационной структурой, типологией продукта, характером аудиовизуальных образов. Помимо общетеоретического значения, подобное ознакомление может явиться серьезным практическим подспорьем журналисту при непосредственной работе в китайской среде как в КНР, так и в России (среди трудовых мигрантов, торговцев, предпринимателей и т.п.).

Прежде всего журналисту, затронувшему какую бы то ни было китайскую тему, необходимо иметь хотя бы общее представление о характере конфуцианско-даосистской природы социально-нравственной и поведенческой культуры китайского этноса.

«В основе многовековой культурно-исторической традиции Китая лежало конфуцианское учение, оказывавшее воздействие на внутривнутриполитическое развитие страны и ее внешнеполитическую доктрину и, что особенно существенно, ставшее структурообразующим фактором национального самосознания населения «Срединного государства» (самоназвание Китая). Закрепив еще в древности в сознании китайцев представление о своей стране как о культурном и политическом центре Поднебесной, конфуцианство, несмотря на постоянную эволюцию, продолжало культивировать мессианские идеи в качестве основы восприятия отношений с окружающим миром. В средневековом Китае сформировалась иерархическая модель отношений с другими государствами и народами, по сути своей сводившаяся к вертикальной связи «сюзерен – васал».

В Китае еще в глубокой древности оформилась концепция Мандата Неба, которая прочно вошла в традицию китайской общественно-политической мысли. Согласно утвердившимся в Древнем Китае представлениям, закрепленным в дальнейшем официальной конфуцианской доктриной, Небо – высшая сила, которая направляет развитие человеческого общества. Правитель (Сын Неба), обладая дарованной Небом «благой силой дэ», руководит народом и обустроивает страну. В то же время его прямая обязанность состоит в сохранении и культивировании этой «силы дэ» как в государстве, так и в самом себе. Утрата нравственного начала способна повлечь за собой потерю самой «силы дэ», что, в свою очередь, может привести к лишению всей династии Мандата Неба и замене ее на другую» [3, <http://fondiv.ru/data/articles/40.doc>].

Основой китайского общества является семья. «Само государство должно быть большой семьей, где функции его членов строго определены, каждый знает свои обязанности. Общество, таким образом, должно иметь дуальную структуру, состоящую из верхов и низов – тех, кто думает и управляет, и тех, кто трудится и повинуется. При этом отношения между ними подчиняются строгому ритуалу. Для Конфуция ритуал – главное условие челове-

ческого общежития, правильного поведения на все случаи жизни» [4, с. 60-61].

В родовенных отношениях и теперь незыблем культ предков, незыблемости почитания родителей, обязательной заботы младших о старших. Праздник Весны в Китае является государственным праздником, продолжающимся целую неделю. В это время китайцы, где бы они ни находились, стремятся собраться в доме родителей для того, чтобы выразить им благодарность и почтение. Почти все учреждения, предприятия и торговля закрыты. Для журналистской работы в Китае в этот период «традиция встречи Праздника Весны» и «семейные традиции Китая» – единственные перспективные темы.

В качестве идеальной личности конфуцианство вывело образ так называемого «цзюнь цзы» – благородного мужа. Благородный муж должен быть человеколюбивым, искренним, честным, преданным государственным делам, осмотрительным, осторожным, неуклонно соблюдающим правила и ритуалы.

Относительно политического устройства КНР существенно иметь в виду, что «распавшись, конфуцианство оставило после себя систему нравственных норм и ценностных ориентаций, стандартов поведения и мышления. Китаец мог разочароваться в конфуцианстве как таковом, но идея, что Китай должен управляться на основе единого учения о правильном, справедливом общественном строе, который и есть высшая человеческая ценность, сохранилась по сей день» [5, с. 102]. Современная политическая власть в глазах подавляющего большинства китайского общества имеет «новый мандат неба» [6, с. 212].

Ритуализация, статусность и ориентация на образ «идеального мужа» являются базовыми конфуцианскими основами существования китайского общества. Поэтому знание традиции и ритуала способствует более эффективной творческой работе в Китае.

Необходимо понимать, что если вы выезжаете в Китай для официальных съемок на основе предварительной договоренности, вы получаете официальный статус. Ваши партнеры согласовывают пребывание съемочной группы с официальными административными и партийными органами и несут за вашу работу полную ответственность. Пытаться изменять утвержденный план съемок – означает ставить вашего партнера в сложное положение перед вышестоящими инстанциями.

Если в Китае вам необходима большая творческая свобода для того, чтобы не обременять китайцев статусностью, на съемки предпочтительнее выезжать неофициально. Если вам нужна помощь партнера, можно предварительно оговорить темы и по приезду обратиться с якобы неожиданной просьбой по поводу чисто технической помощи (транспорт, сопровождение, перевод и т.п.). При этом нужно иметь в виду: если китайцы не в состоянии выполнить вашу просьбу, они никогда не скажут об этом прямо, чтобы не обидеть вас пренебрежением и помочь вам «сохранить лицо». И если вы, предположим, в Харбине попросили организовать съемки в музее, а вам говорят, что директор музея в командировке, вы должны знать, что вам отказано. Обращаться в таком случае с повторной просьбой или тем более настаивать – и бесполезно и неэтично. Если вы просите встретиться с каким-либо из руководителей телерадиокомпании Хэйхэ, а вам говорят, что он в Пекине, выразите сожаление по поводу несостоявшейся встречи. Если же вы случайно через час встретите директора на улице, не стоит не только выяснять отношения, а вообще не нужно напоминать о своей просьбе. Таким образом вы продемонстрируете свое благородство и уважение и поможете «сохранить лицо» китайской стороне. Если вам устраивают банкет, не торопитесь усаживаться на самое удобное место. Подождите. Ответственное китайское лицо усадит вас в соответствии с вашим

личным статусом. Для соблюдения банкетного этикета каждому из членов вашей съёмочной группы желательно подготовить дружеские тосты.

«Другим определяющим китайское сознание типом культуры стал даосизм, основателем которого в VI до нашей эры стал Лао Цзы. В мировоззренчески-ценностной ориентации даосизм обращен в прошлое, в котором усматривается природно-социальный идеал. Философ отрицательно оценивает современную ему цивилизацию и призывает во всем руководствоваться законом неба – Дао и воплощать его в поступки – Дэ. Он вводит принципы естественности в деятельности людей, которые звучат с отрицательной частицей «не» – недеяние, недвижение, неслужение, неучение, неборение, ненасилие и т.д. Во всем надо руководствоваться законом неба, возвращаться к естественности. Мудрый правитель ни во что не должен вмешиваться, предоставляя всему идти своим чередом. Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным» [4, с. 59].

Наибольшее влияние даосизм оказал на художественно-эстетическую практику Китая. «Ее главная эстетическая позиция – единство и взаимопроникновение естественного и искусственного, рукотворного и нерукотворного, достоверного и условного. В древнем трактате «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» не только даны образцы изображений и техника исполнения, разработанная для данного жанра, но и все это связано с космологическим принципом подобия философии даосизма. Единое – мир реализуется через единственное – дерево, цветок. Образно говоря, сквозь причудливые переплетения прожилок лепестков цветка просвечиваются грандиозные контуры мироздания» [7, с. 127-161].

«Образность дерева мэи и есть его живое одухотворяющее начало «ци». Цветы олицетворяют солнечное начало, они построены по принципу «ян»; само дерево, ствол и ветви полны соками земли, выражает ее таинственную силу «инь». Цветоножка символизирует абсолютное начало мира – «тай-цзы». Чашечка, поддерживающая цветок, воплощает три силы – небо, землю и человека, и поэтому рисуется тремя точками. Сам цветок является олицетворением пяти первоэлементов и поэтому изображается с пятью лепестками» [8, с. 218].

Основным пороком искусства в Китае считалась и считается вульгарность, в которой выделяются несколько уровней: вульгарный дух, вульгарный ритм, вульгарная кисть, вульгарный замысел, вульгарный человек-художник. Бегство от вульгарности – основа творческой жизни и эстетики.

«В Китае никогда не было «искусства для искусства», оно всегда содержало в себе задачу нравственного совершенствования личности, требуя не только ассоциативного мышления, но и непосредственного восхищения природой и работой мастера.

Китайские теоретики искусства любят повторять: «Картина подобна ее автору, кисть бывает высокой и низкой так же, как моральные качества человека» [7, с. 127-161].

В этом утверждении даосизм перекликается с конфуцианством, говорящим, что «благородный муж помогает людям свершать красивые дела и не помогает им свершать некрасивые дела. Низкий человек поступает противоположным образом» [7, с. 127-161].

Подобного рода подходы следует учитывать при работе с китайским телевизионным продуктом, а также при планировании совместных творческих телевизионных проектов. Здесь прежде всего следует исключить из вашего творческого метода ставку на современную медийную модель «секс, страх, сенсация».

Для пояснения обратимся к определению «внутренний зритель» в трактовке известного российского теоретика телевидения доктора философии В.И. Михайловича.

Вводя данную формулировку, исследователь имеет в виду «внутреннего зрителя», встроенного в телевидение как средство коммуникации, исходя из того что «телевидение как таковое... имеет встроенную в его инженерные решения и способы функционирования, собственную, только ему присущую концепцию зрителя и в полном соответствии с этой концепцией к нему обращается» [9, с. 9-10].

Китайскому «внутреннему зрителю» в содержании телевизионного продукта необходимы конструктивные человеческие послылы: верность, дружба, простота, доброта, открытость. Характер аудиовизуальных образов не должен идти вразрез традиционным семейным ценностям, представлениям о благородном и неблагородном поведении, наносить урон идее справедливого государства.

В соответствии с типологией, принятой в китайской теории телевизионной журналистики [10], основу телевизионного эфира составляют социально-образовательные, художественные и служебные программы. При этом к социально-образовательному жанру отнесены и научно-популярные, и документальные фильмы, и экологические программы, и передачи типа «Телеуниверситет», «Телетрибунал» (аналог советского варианта программы «Человек и закон»). Программы о китайской кухне и ток-шоу также соотносятся с исполнением социальной функции ТВ. В отличие от российских китайские ток-шоу не являются развлекательными программами. Они рассматриваются в формате социально-образовательного жанра. Круг вопросов и тем, обсуждаемых в ток-шоу, достаточно широк, но не предполагает особого анализа. Большой популярностью в Китае пользуются семейные ток-шоу, которые ставят целью не решение какой-то социальной проблемы, а предназначены в первую очередь для психологической поддержки.

Прогноз погоды, телемагазин, сообщения о курсе валют и т.п. отнесены к разряду служебного жанра, поскольку они существуют для того, чтобы передать реципиенту конкретную полезную информацию.

Реклама на китайском телевидении, с точки зрения теории журналистики, позиционируется как вид социально-служебного жанра. Способ продвижения потребности в товаре или услуге китайскими производителями рекламы самоцензурирован рамками традиции и ритуала. В китайской рекламе невозможны ситуации, в которых молодой человек бросает девушку в бассейн с водой ради того, чтобы не делиться с ней чипсами: это вульгарно, низко и недостойно. Невозможен также сюжет, когда молодой человек пренебрегает офицерскими погонами ради бутылки пива; это низко, вульгарно и неблагородно. И совершенно исключены ситуации, когда дети, играючи, ради сладостей наставляют на отца и мать оружие пусть, даже игрушечное: это самоубийственно, с точки зрения существования Поднебесной.

Работая в Дальневосточном приграничье, журналист должен осознавать: «... граница – это не только линия обозначения территории, но и геополитический контур, при помощи которого она входит в мировую цивилизацию, в систему многообразных отношений с сопредельными государствами. Граница выступает средством регулирования процессов и явлений, происходящих в пограничных пространствах» [11, с. 80].

Акад. Н.И. Конрад в своей работе «Запад и Восток» писал: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей. Связь эта, конечно, может быть очень различной – и по характеру, и по интенсивности, и по масштабу, но она всегда существует. Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни» [12, с. 17].

Журналистика российско-китайского приграничья сейчас во многом определяет характер общности историчес-

кой жизни: ее психологическую природу, социально-экономические отношения, геополитические тенденции. И здесь степень объективности подачи информации, уровень ее анализа напрямую зависят от степени компетентности журналиста. Одним из существенных слагаемых компетентности является адекватное понимание отдельного информационного повода или глобального информационного процесса с точки зрения традиционных ценностей китайского этноса. По мнению автора, оно необходимо для того, чтобы в будущем избежать негативных перекосов, связанных с формированием национальной самоидентификации, а в настоящем расширить взвешенное и взаимовыгодное сотрудничество приграничных территорий двух великих государств.

1. Багиров Э., Кацев И. Телевидение, XX век. – М., 1968.

2. Егоров В.В. Терминологический словарь телевидения. – М. 1999.
3. Самойлов Н.А. Россия и Китай: исторические вехи и особенности взаимовосприятия. – СПб., 2005. <http://fondiv.ru/data/articles/40.doc>.
4. Сапунов. Б.М. Культурология телевидения. – М., 2001.
5. Культурология. История и теория культуры. – М., 1996.
6. Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юляня. – М.1996.
7. Машенкова Л.П.. Конфуцианско-даосистский тип культуры. Введение в культурологию: Учеб. пособие для вузов. – М. – С. 127-161.
8. Слово о живописи из Сада с горчичное зерно. – М., 1969. – С. 218.
9. Конфуций. Лун юй. Янь Юань.
9. Михалкович В.И. О сущности телевидения. – М., 1998. – С. 9-10.
10. Вэнь Вэнь. Телевидение Китая: содержание и жанровое разнообразие: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2006.
11. Чебан В.В. Граница России через призму геополитики // Вестник границ России. – М.: Граница. – 1996. – № 11. – С. 80.
12. Конрад Н.И. Запад и Восток. – М., 1972.